
От редакции. В феврале 2014 г. отметила свой юбилей Нелли Васильевна Мотрошилова – замечательный исследователь, философ и историк философии, автор более десятка книг, посвященных истории европейской и русской, современной западной и советской философии, проблемам цивилизации и культуры, организатор и ответственный редактор фундаментальных издательских проектов. На протяжении многих лет Нелли Васильевна руководила Отделом истории философии ИФ РАН.

По работам Нелли Васильевны учатся студенты. Ее труды известны каждому историку философии у нас в стране и пользуются уважением международного философского сообщества.

Нелли Васильевна – постоянный автор нашего журнала и член Редколлегии “Вопросов философии”. Весь наш коллектив гордится этим сотрудничеством и поздравляет юбиляра. Мы желаем Вам, Нелли Васильевна, новых творческих успехов и здоровья.

Постскриптум к книге “Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь”

Н. В. МОТРОШИЛОВА

Статья написана как Post scriptum к книге автора “Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие–время–любовь” (М., 2013); она демонстрирует растущий во всем мире интерес в публичном пространстве (в жизненном мире) к философии. В качестве убедительных примеров рассмотрены: 1) публичные философские фестивали лета – осени 2013 г., проходившие по всему миру (один из примеров – фестиваль в Копенгагене в честь 200-летия со дня рождения С. Кьеркегора); 2) фильм “Ханна Арендт” (режиссёр М. фон Тротта), показанный на некоторых фестивалях, и книга-сопровождение к этому фильму, презентующие дополнительный материал для понимания личности, теоретического наследия и судьбы Ханны Арендт.

The article was written as Post scriptum-addition to author's book "Martin Heidegger and Hannah Arendt: being – time – love" (M., 2013), demonstrating the growing interest to philosophy in public world (Lebenswelt). As the convincing examples were considered: 1) the public philosophical festivals of summer – autumn 2013 all around of the world (one example – the festival in Copenhagen, devoted to 200 S. Kierkegaard's birth anniversary; 2) the film "Hannah Arendt" (directed by M. von Trotta), presented during of some festivals, and the book, which is the accompany to this film; both are presenting the additional material to the understanding of the personality, theoretical legacy and the destiny of Hannah Arendt.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философские фестивали, М. фон Тротта, Х. Арендт, кинематографическое повествование.

KEY WORDS: the philosophical festivals, M. von Trotta, H. Arendt, the cinematographical narrativ.

Так случилось, что уже после выхода в свет – в начале 2013 г. – моей последней книги, название которой воспроизведено в заголовке статьи, мне довелось узнать, что в Германии в массовом прокате с большим успехом идет полнометражный художественный фильм "Ханна Арендт". Мой вполне естественный интерес к фильму с таким названием существенно возрос, когда я узнала, что поставила его Маргарет фон Тротта, чьи прежние работы были удостоены целого ряда национальных и международных премий. Особое внимание зрителей, критиков и прессы привлекла её лента 1985 г. "Роза Люксембург"; главную роль в этом фильме исполнила замечательная актриса Барбара Зукова – она же сыграла и роль Ханны Арендт в фильме 2013 г.

К большому моему везению, благодаря добрым друзьям удалось быстро заполучить книгу "Ханна Арендт: её мышление изменило мир" [Ханна Арендт 2013], которая была выпущена в Германии в качестве сопровождения к фильму и одновременно с его выходом на экран. А пояснения для широкой публики были необходимы: за редкими исключениями, зрители (и даже зрители немецкие) нуждались в предварительных сведениях относительно личности и дела главной героини фильма, пусть та и носила имя, известное в интеллектуальной истории XX в. И "для начала" режиссёру М. фон Тротта следовало ознакомить массового зрителя со своими замыслами, поведать о погружении в мир Ханны Арендт, этого виднейшего *теоретика XX в.*, рассказать об огромной и глубокой подготовительной работе, которая началась давно, в 2002 г. Режиссёру (и её постепенно складывающейся команде) пришлось изучить горы новых для себя материалов, отыскать – последних, увы, – свидетелей, знавших Арендт, друживших с нею, перечитать книги, статьи, просмотреть фильмы её времени. Нужно было получить точное представление о крутых маршрутах жизни героини фильма и многих её современников.

Все сказанное делает упомянутую книгу-сопровождение к фильму (Buch zum Film) содержательным, я бы сказала, захватывающим (завидным для кинематографической практики) пред-изданием, охватывающим куда более широкую панораму событий и проблем, нежели та, которая могла вместиться в сам двухчасовой фильм. К книге не раз обращаюсь в дальнейшем. А сейчас – о других релевантных теме событиях, о которых довелось узнать летом 2013 г.; они происходили, если использовать термин Гуссерля, в "жизненном мире", иначе – в публичном пространстве и, как представляется, должны жизненно же заинтересовать философов и других гуманитариев. Речь пойдёт о фактах социально-культурной жизни, для людей нашей профессии относительно новых, и притом отрадных.

Лето – осень 2013 г.: философия в публичном пространстве современного мира

Совершим небольшое воображаемое путешествие по Европе.

Дания, Копенгаген: там, под эгидой периодического издания "Philosophy Now" проводится ежегодный публичный фестиваль "Golden Days" ("Золотые дни"). В этом году со 2

по 27 сентября проводился *философский фестиваль*. Его скорее можно было бы назвать фестивалем для тех, кто интересуется социальными, культурными, интеллектуальными проблемами и кто чувствует или хорошо понимает, насколько они неотделимы от философии. Таких людей оказалось на удивление много¹.

То, что фестиваль в Копенгагене стал философским именно в 2013 г., имеет своё веское объяснение: ровно два столетия назад, в 1813 г., родился великий датский философ Сёрен Кьеркегор. Центральными событиями фестивальных дней были “кьеркегоровские” темы обсуждений и дискуссий и прогулки по кьеркегоровским местам Копенгагена. В ходе этих прогулок историк Христиан Хольм Донатский, показывая публике дома, где жил Кьеркегор, рассказывал о трагически-трепетном жизненном труде великого мыслителя, чьё наследие в XX–XXI вв. стало более известным и влиятельным, чем в XIX столетии. (Личное воспоминание: когда в 1974 г. во время короткого посещения датской столицы я искала памятник Кьеркегору и натолкнулась на него неожиданно, случайно, то была потрясена им – этим пластическим воплощением экзистенциальных чувств отчаяния, безысходной боли и страданий.)

Итак, через столицу Дании пролегла доступная широкой публике тропа Кьеркегора. Завидное отношение датчан к философии и философам своей страны – не правда ли?

Вместе с этим в рамках философского фестиваля была предложена обширная проблемная программа (подчеркиваю, предполагающая широкое участие заинтересованной публики) – дискуссии вокруг острых, животрепещущих социальных вопросов прошлого и современности: “Травма и восстановление”; “Террор войны”; “Триумф беседы (философский анализ политики)”; разбирались комплекс проблем, касавшихся будущего Европы и национально-культурной идентичности датчан; проводилась “вечеринка”, посвящённая Фрейдю.

Во время дискуссии “Триумф беседы” Жак Рансьер, почётный профессор университета Париж VIII, и Ян-Вернер Мюллер из Принстонского университета должны были предложить слушателям “философский анализ политики”. Ожидалось (и наверняка имело место) участие молодых интеллектуалов, способных выразить свои мнения о “новых моделях политики”.

Столь же завидным для учёных других стран стало мероприятие, объявленное на 21 сентября 2013 г., – лекция английского профессора социологии Р. Дженкинса “Идентичность датчан в эпоху глобализации”, которую проводили во вместительном здании театра.

А прогос: почему это завидно для философов, социологов, историков, словом, гуманитариев других стран, а всего больше, пожалуй, для российских учёных? Необходимо учитывать: массовые философские и комплексные фестивали по проблемам науки, культуры, искусства инициируют, организуют отнюдь не философы по профессии и не другие гуманитарии. Для этого у них нет ни организационных рычагов, ни финансов, ни опыта. Проведение подобных массовых действий становится делом государственных служб, специальных фирм, фондов и меценатов, которые чутко улавливают умонастроения достаточно заметных заинтересованных групп и слоёв населения, – тех, кто, вопреки “шумам” попсового гламура, ищет возможности приобщения к пластам высокой культуры и глубокой мысли. При этом оказывается, что в современном коммерциализованном мире такие как будто бы “ненужные” массовому потребителю организационные усилия и финансовые траги неплохо окупаются!

А вот ещё один пример – он свидетельствует о том *синтезе искусства и философии*, который с очевидностью затребован публикой даже в небольших городах и всяях. Это “Festival della mente”, с 2004 г. проводимый в итальянском городке Сарцана. Фестиваль собирает вместе итальянских и иностранных писателей, художников, музыкантов, архитекторов, кино- и театральные режиссёров, учёных разных специальностей, обязательно включая философов. Цель – “исследовать природу креативности”, бесспорно, важнейшей для современного общества способности и деятельности.

Перечислю сходные и тоже завидные для нас события лета и осени 2013 г. по всему миру: в Лондоне, Модене, в мексиканском Пуэбла, Вальпараисо, Атланте (США) – и все, по сути, вокруг темы “Идеи, достойные распространения”².

Такому распространению в мире интеллектуальных, креативных фестивалей, в которые вписана философия, вторгающаяся в публичное пространство, философы и гуманитарии России, как сказано, могут только позавидовать. Дело тут вовсе не в том, что у нас-де учёные-гуманитарии далеко отстали от западных коллег или не обрели способности доступно, интересно рассказать о том, что может занимать широкую публику. У учёных, в частности у философов нашей страны – ручаюсь за это – есть немалые резервы. Однако в пору массивной атаки властей и малокомпетентных инстанций, управляющих образованием и наукой, на вузы, на академические учреждения, в пору господства отчётных бумаг и “цифири” совсем не до поощрения таких талантов, которые, конечно же, имеются и в наших университетах и в академических институтах. А, например, по живо интересующим широкие слои российского общества и глубоко разрабатываемым учёными, включая философов, темам российской идентичности можно и настоятельно нужно организовывать актуальные обсуждения. (Возможно, где-то они происходят, но о них не сообщают...)

И ещё об одном факте, который хорошо объясняет, почему в *публичном пространстве современного мира* (увы, не у нас) *возникло достаточно явное движение в сторону философии*. 26–30 июня 2013 г. проводился фестиваль “phil.COLOGNE” (“философия. Кёльн”). Дано замечательное объяснение: *философский фестиваль* “родился из литературного фестиваля “lit.COLOGNE” (который проводился с 2001 г.) *в ответ на возрастающий интерес к философским вопросам*. На фестивале философы присоединяются к беседам с политиками, учёными, теологами, художниками, чтобы обсудить насущные проблемы и исследовать такие вопросы, как биоэтика, экономика, качество жизни и будущее человечества” (выделено мной. – Н.М.).

Скажу об отрадном для россиян запланированном событии. Фонд им. Александра Пятигорского объявил о начале подготовки Философского фестиваля, который должен состояться в 2014 г. “Философский фестиваль, – анонсировано на его сайте, – призван вовлекать в разговор людей, склонных к философствованию. Формат фестиваля включает философские дебаты, выступления, просмотр и обсуждение философского кино, а также параллельную культурную программу: выставки, постановки, музыкальные выступления и т.д. *Основная же цель – общение, возвращение интеллектуального разговора*”³.

На фестивале в Копенгагене показали и вышеупомянутый фильм “Ханна Арендт”, названный в числе основных событий фестиваля. Теперь я специально обращусь к этому фильму – и к вопросу о том, почему захотелось написать этот Post scriptum, вослед той книге, за внимание к которой хочу искренне поблагодарить читателей и первых рецензентов⁴.

Подробнее о фильме “Ханна Арендт”

Об этом знаменательном кинематографическом явлении и о неожиданном, казалось бы, успехе фильма у массового зрителя во всем мире уже начался и, несомненно, будет продолжаться разговор, особо интересный для философов, социологов, гуманитариев из разных областей знания.

Почему же успех у широкой публики кинематографического повествования о женщине – выдающейся социальном теоретике (а, по моему суждению, и о *крупном философском уме*) оказался неожиданным? Да потому, что об этой самой публике, о её предпочтениях судят по предвзятым, рыночно-коммерческим меркам, заведомо предполагая, что умственная, художественная подготовка, вкусы, ожидания, предпочтения массового зрителя (слушателя, читателя) находятся, как говорится, “ниже плинтуса”. А потом (и потому) закармливают эту самую публику фильмами о бандитах и нелюдях, бомбардируют попово-гламурными передачами “как бы” из области искусства.

Между тем крупнейшие авторитеты отечественного и мирового искусства открыто говорят и пишут о том, что замечательный кинорежиссёр Сергей Соловьев недавно –

резко, но, увы, верно – назвал “глобальной кинематографической диареей” [Соловьев 2013, 3]. Под искусственно сформированный убогий “спрос” поступает ловко состряпанное “предложение” – от тех, кто узурпирует и коррумпирует соответствующие центры, и не “массовой информации”, а “массовой дезинформации”. А если говорить о философии, то она в последние десятилетия оказалась “массово” вытесненной с отечественного телевидения (небольшое и робкое исключение – телеканал “Культура”), не говоря уже о кинематографе.

И вот теперь – массовый, как оказалось, успех фильма “Ханна Арендт” и в Германии, и в других странах Европы (он продержался на экране, по крайней мере, девять месяцев, причём при заполненных залах). Необходимо напомнить, что о философии и философях, их дискуссиях (особенно в Германии, особенно на студии WDR, где многие годы существовала блестящая программа “Philosophie heute” – “Философия сегодня”) ставилось немало фильмов. Но они, как правило, были краткие и документальные, а не полнометражные и не художественные.

Фильм “Ханна Арендт” в этом отношении – редкий, показательный феномен. Главный результат: несомненный успех этого двухчасового художественного фильма, и именно у широкой публики, – одно из доказательств того, что зритель, уставший от “быстрого кино” (это словосочетание С. Соловьев остроумно создал по аналогии с *fast food* и его последствиями для здоровья), благодарно принимает искусство, требующее соучастия в мыслях, идеях и благородных устремлениях изображаемых персонажей. А здесь естественно возникает соприкосновение даже и массового зрителя с философской, в частности социально-философской, мыслью.

Обратимся к книге-сопровождению, чтобы понять, как рождался фильм, с какими трудностями режиссёру М. фон Тротта и всей её команде пришлось справляться, какой выбор перед ними стоял и к каким решениям они пришли.

* * *

Прежде всего – о команде. Исполнительницу главной роли актрису Барбару Зукову мы уже упоминали. Выбор её на главную роль, полагаю, оправдался (пусть она и не очень похожа на Ханну Арендт). Актриса, на мой взгляд, хорошо справилась с драматичной, непростой ролью, сделав зримо доступным интеллектуальное напряжение женщины-мыслителя, её личностную силу, проявленную в (не первой и не последней) сложнейшей жизненной ситуации.

Труднее было с решением вопроса о том, кто напишет сценарий. У М. фон Тротта возникла идея поручить его создание Антонии Груненберг (Grunenberg), автору неплохой работы “Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер”, появившейся позже, в 2006 г. (на неё, как и на популярную книгу Р. Сафранского о Хайдеггере, я не раз ссылаюсь в своей работе). Но что-то там не заладилось, и в результате сценарий написала Пам Катц, известная сценаристка и автор романов, при, несомненно, решающем участии фон Тротта.

Самая, пожалуй, большая трудность, которую предстояло разрешить, касалась *проблемы выбора* из необозримого богатства тех событий, обстоятельств и идей, которые можно было бы поместить в центр фильма о Ханне Арендт, проведя из такого “центра” своего рода пунктирные линии к другим жизненным этапам и идейным акцентам.

Сразу скажу, что (помещенная в фокус моей книги) биографическая история “Хайдеггер – Арендт” и проблематика схождения – расхождения их судеб и идей, по существу, остались за кадром. Почему? Об этой теме – в завершении статьи.

Сюжетно-событийная канва фильма – процесс над нацистским преступником Эйхманом и идеи, высказанные Х. Арендт в её репортажах с процесса для газеты “New Yorker”, а потом и в её книге “Эйхманн в Иерусалиме. Отчет о банальности зла”. По их поводу сразу же развернулась и впоследствии возобновлялась острая полемика.

В фильме обстоятельно и в хорошем стиле интеллектуального кино рассказывается о том, как прочное и тесное сообщество, сплотившееся в Нью-Йорке вокруг Арендт и

её мужа – близкого и доверенного соратника – Г. Блюхера, воспринимает, обсуждает помилку израильской разведки и препровождение в Израиль Адольфа Эйхмана (по-немецки Eichmann произносится как “Айхман”), как дискутируются детали (например, вопрос о том, что в этом деле международный суд был бы более правомочен, чем внутриизраильский). Ханна проявляет инициативу, и знаменитый журнал “New Yorker” отправляет её своим корреспондентом на процесс в Иерусалиме.

Большая удача фильма в том, что в него органически включены документальные кадры, поэтому помещённый в бронированную стеклянную коробку обвиняемый А. Эйхман предстал перед сегодняшним зрителем точно таким, каким его увидели Х. Арендт и другие очевидцы процесса, кино- и телезрители далекого от нас 1963 г. Понятно, почему “явление” Эйхмана так поразило Ханну: этот человек, справедливо обвинённый в чудовищных преступлениях против человечества, вместе с другими нацистскими главарями приговоренный Нюрнбергским трибуналом к смерти (заочно, ибо сумел скрыться), вовсе не смотрелся как “монстр”, чудовище... Напротив, его внешность и поведение были до “банальности” обыденными (Эйхман к тому же постоянно сморкался, что запечатлела камера).

Весь рисунок поведения Эйхмана на судебном процессе укладывался в схему обыденности, банальности, холодающей душу безответственности и – как особо подчеркнула Х. Арендт – крайнего, “эталонного” безмыслия! Быть может, такова была продуманная тактика поведения на суде. Однако кадры хроники убеждают: Эйхман почти что искренне не мог взять в толк, почему судьи не принимают во внимание его роль *исполнителя, а не инициатора* “верховных” приказов (при условии, что сопротивление приказам, на что он и сылается, было если не невозможным, то очень трудным делом). Он просто-де исполнял служебный долг...

И к тому же в проведении процесса был юридический изъян, который сразу подметила Ханна Арендт: по сути, Эйхману вменяли в *личную* вину *все* чудовищные преступления режима, тогда как судебная практика требует *конкретных* доказательств *конкретных* преступлений *конкретного* обвиняемого. Однако конкретные доказательства, относящиеся именно к Эйхману, частью, по прошествии лет, были утеряны, частью вовсе никогда не собирались. На другие пробелы процесса, так же как и на театральность поведения обвинителей, Ханна тоже обратила внимание. Всё это показалось жертвам холокоста, людям, пострадавшим в недавней войне (а некоторые свидетели обвинения падали в обморок в зале суда) неприемлемым, даже чудовищным.

Что в стойком поведении Ханны как наблюдателя-репортера и теоретика была своя правда, видели и признавали лишь немногие. Х. Арендт осталась не только не понятой, но и обвиненной с разных сторон. Прежде всего на неё обрушились тогдашние лидеры сионистских организаций (“сионизм” в данном случае не обязательно означает *еврейский национализм*, что часто бывает в российском словоупотреблении; так называют специальные организации, занимающиеся отстаиванием и защитой прав еврейского населения). В фильме, и по-своему трогательно, представлено личное столкновение Арендт и одного из таких лидеров, её давнего друга К. Блюменфельда, в семье которого она появляется по приезду в Иерусалим. Ханне, когда она публично выступила со своими идеями о “банальности” зла, – а ведь они были применены к нацистским преступлениям, воплотившимся в холокосте! – пришлось услышать дружно повторяемые проклятия от своих соплеменников и современников (что хорошо передано в фильме). И не только это: её ближайшие друзья (например, друг со студенческих лет Ханс Йонас, видный этик XX в., разработавший актуальную и сегодня “этику ответственности”) не могли понять и простить Ханну. Так, Йонас полагал, что её позиция проистекает из непризнания факта холокоста и его исторической чудовищности. Между тем это было неверно и несправедливо.

Х. Арендт была едина с миллионами людей, которые осудили, в прямом и переносном смысле, преступления нацизма, тоталитаризма. Более того – и это хорошо известный факт – именно она была одним из первых социальных мыслителей, заложивших основы

теории, которая вскрывала истоки, специфику и, разумеется, преступность и преступления тоталитаризма. Но она стремилась ближе, глубже, нелицеприятнее осмысливать внутренне противоречивые и во многом новые процессы, которые она подробно, на выразительном примере Эйхмана, вскрыла в книге “Банальность зла”. А именно: не только и не столько монстры, чудовища в человеческом облике творят глубочайшее зло в современном обществе, а такие индивиды, которые – подобно Эйхману – выглядят обычно и действуют привычно, “обыденно” банально, аккуратно выполняя свои служебные функции. В своей книге [Мотрошилова 2013] я пыталась доказать, что “банализация” зла в современном обществе – феномен не только не менее, но более актуальный, чем в страшные годы нацизма и мировой войны. Причина в том, что повседневная опасность отдельных действий конкретных людей, если они “банально” безответственны, “банально” не привыкли отдавать самим себе отчета в губительных последствиях своих поступков, если имеют обыкновение *не думать*, прежде чем что-то сделать, – эта опасность возросла, увы, на целые порядки. Один из примеров – “банализация” коррупции. И в том смысле, что она сделалась повсеместной, привычной, непреодолимой. И в том, что коррупционеры всех стран и всех мастей опережают правоохранительные структуры и правовую мысль в ловкости, оперативности самозащиты на правовом поле. А вот здесь требования Х. Арендт, заострившей тему укрепления юридической силы и чистоты правовых аспектов преодоления “банального зла”, чем дальше, тем настоятельнее повышают свою значимость, опередившую время. (Об этом подробнее идет речь в моей книге.)

Фильм демонстрирует, как в очередной труднейший период жизни Х. Арендт всё-таки нашла поддержку своему – для многих непонятному и непонятому – упорству в отстаивании непопулярных тогда идей “банальности зла”. Есть в фильме кадры, воспроизводящие её лекцию (на ней она как бы излагает главные идеи книги “Банальность зла”). Сионистские лидеры (они несколько карикатурно представлены главными злодеями) – противники, а молодежная аудитория – горячие сторонники. Вряд ли в действительности всё было так просто... Итак, М. фон Тротта своим выбором темы и события “Банальности зла” как “пограничного переживания” Ханны Арендт хотела высветить дело и специфику личности своей героини лучом современности, побудив зрителя как бы заглянуть из того времени в будущее, т.е. в “нашу” современность.

Верила ли сама Ханна в то, что будущее рассудит этот спор? Умнейшие её современники и друзья были убеждены в том, что верить нужно. Вот что написал Ханне К. Ясперс в письме от 25.07.1963, по свежим следам перенесённой ею травмы: “Поскольку ты затронула так много людей в чувствительнейшей точке их нерва, ибо тут ложь их здесь-бытия (Dasein), они тебя возненавидели... Истина разит насмерть, как сказал Кьеркегор о Сократе и Иисусе... По прошествии времени Твоя Сущность, естественно, пробьёт дорогу и в блеске одержит свой триумф...” [Ханна Арендт 2013, 30]. Сегодня снова – из-за фильма устроено испытание предвидению Ясперса. Не уверена, что и сейчас общепризнана та “истина”, которую защищала Ханна и которую разделял К. Ясперс. Во всяком случае реакция на фильм М. фон Тротта покажет, как обстоит дело в наши дни с этим идейным конфликтом, вспыхнувшим полвека назад.

В фильме пробегающий мимо Ханны преподаватель университета кричит ей: “Вы – моя героиня!” (факт этот подлинный). Здесь важнейший повод спросить: а была ли Ханна героиней – в полном смысле этого слова – для режиссёра фильма М. фон Тротта? Она сама дала четкий ответ на этот вопрос.

М. фон Тротта: “Моей героиней она не была”

Признание крайне важное. М. фон Тротта поведала о его глубинных истоках. Сама она вышла из движения новых левых. «Левые 60-х и 70-х гг., – написала она, – отвергли Ханну Арендт как консерватора. Её книгу “Происхождение тоталитаризма”, в которой она в равной мере описывает национал-социализм и коммунизм как тоталитаризм,

я даже не хотела читать. Единственной книгой, которую я к тому времени прочла, была «Эйхман в Иерусалиме». Ещё и сегодня иные левые кривят носы, когда слышат её имя» [Там же, 46]. Но потом, конечно, *режиссёру* фон Тротта пришлось органичнее войти в сложный мир жизни, мыслей и общения Х. Арендт, которую она давно, уже с 2002 г., выбрала в героини своего фильма. И её сразу обступили вполне конкретные и понятные вопросы “зрительного ряда”: как Ханна двигалась, как одевалась, какую музыку слушала, как проявляла свои чувства? “Из философских сочинений об этом нельзя было узнать” [Там же, 49]. Здесь свидетельства современников (письменные и немногие устные) играли решающую роль.

М. фон Тротта посетила главные места жизни Ханны в Европе – Кёнигсберг, Марбург, Париж. Спрашивала людей, помнят ли они о том, что “там” или “здесь” жила Х. Арендт? “Об этом, естественно, никто уже не знает” [Там же, 48]. С Нью-Йорком было проще: хорошо известно о квартире на Морнингсайд-драйв. (Но она не была доступна для съёмок, и пришлось построить студию-копию квартиры в Люксембурге; там и производились все главные “нью-йоркские” съёмки.)

Другой вопрос, который занимал режиссёра: каким Х. Арендт была человеком? М. фон Тротта просмотрела сохранившиеся записи, в частности знаменитую беседу Ханны с Гюнтером Гаусом, показанную по немецкому телевидению. “...И пришла, – признается она, – в ужас от того, какой жесткой и несимпатичной она мне показалась, так что у меня пропало желание смотреть пленку дальше” [Там же, 50]. При повторном просмотре сложилось другое впечатление: “Она была обаятельной, остроумной, симпатичной”, в том числе вполне доброжелательной и тогда, когда поправляла модератора Гауса, так что он и его жена, рассказывает М. фон Тротта, буквально влюбились в Арендт. (Такое же впечатление сложилось и у меня, когда я просмотрела эту телевизионную беседу.)

Свидетельства друзей и знакомых о характере Ханны были противоречивыми. Они подчёркивали её гостеприимство как хозяйки дома (описания Ханны как хозяйки, даже упоминание о фартуке, который она обычно надевала, “позабавили меня”, признает М. фон Тротта). Вместе с тем даже близкие друзья, очень любившие Ханну, говорили о её arrogance, об иронии, иногда обижавшей людей. (Это отмечал и Ханс Йонас, один из героев моей книги об Арендт, “доверенный друг”, *confidant* Ханны, со студенческих лет бывший, вместе с женой Лорой, свидетелем почти всей её жизни.)

В фильме дружеский круг, собиравшийся на Морнингсайд-драйв, играет поистине решающую роль. Это упомянутая только что пара Йонасов, решительная и энергичная подруга писательница Мэри Маккарти, вторая подруга и секретарь Лота Кёлер (впоследствии обе – хранительницы наследия Х. Арендт). Их беседы, дискуссии, споры показаны интересно и содержательно. Определенное место уделено нелегкому сотрудничеству с журналистами из “New Yorker”.

Применительно к этой стороне фильма – соответственно, жизни героини: дискуссиям друзей, коллег – полезно держать в памяти другие грани Х. Арендт как личности, которые, естественно, не могли быть освещены в фильме ограниченного объема. Кратко напомним (в дополнение к своей книге) об одной очень важной особенности этой женщины-мыслителя. Это дополнение позволяет прояснить позицию, которую Х. Арендт занимала в политических размежеваниях современного ей мира. Она сама кратко и четко запечатлела её.

Ханна Арендт: “Я не принадлежу ни к какой группе”

В ноябре 1972 г. в Торонто, под эгидой общества, исследующего социальную и политическую мысль, провели коллоквиум, посвященный творчеству Х. Арендт. И что очень важно – в её присутствии⁵. На коллоквиуме у Ханны Арендт брали интервью, и среди них те, вопросы в которых задавали Ганс Моргентау, один из известнейших социальных теоретиков тогдашнего времени и близкий друг Х. Арендт, а также упомянутая Мэри Маккар-

ти. «Арендт, – сказано в преамбуле к публикации этой беседы в журнале “Le Magazine Littéraire”, – уточнила свою позицию по отношению к спору либерализма и консерватизма, а также своё видение капитализма» [Ханна Арендт 2005, 35].

Приведу самые важные формулы Х. Арендт. “Кто Вы? – спросил Ханну Моргентау. – Консерватор? Либерал? Какова Ваша позиция?”. “Не знаю, – ответила она. – Честно, я этого не знаю и никогда не знала. Предполагаю, что не занимала какую-либо позицию такого рода. Вы знаете, что левые считали меня консерватором, а консерваторы порой принимали меня за сторонницу какой-то левой позиции, за бунтарку и ещё бог знает за кого... Я не принадлежу ни к какой группе. Сионисты – единственная группа, к которой я когда-либо принадлежала. Единственно в отношении Гитлера, разумеется. И только между 1933-м и 1943-м. После этого я с ними порвала... Я никогда не была социалисткой. И никогда – коммунисткой. Я вышла из социалистической среды. Мои родители были социалистами, но у меня, со своей стороны, никогда не было к этому ни малейших поползновений. Я никогда не была либералом. Когда я говорю, что не была им, я не вдаюсь в вопрос о том, что никогда не верила в либерализм” [Там же].

От социально-политических аспектов, затронутых в фильме, перейдём к глубоко личным. Без них фильм был бы кинематографическим плакатом. Понимая это, М. фон Тротта в чём-то усилила, форсировала, что ли, решающую личную тему.

Ханна Арендт и её муж Генрих Блюхер

Их отношения мягко, лирично (и достаточно подробно для двухчасового фильма) высветились в фильме. Они поданы, – сколько я могу судить, опираясь на свои знания об этом браке и о роли мужа в жизни Х. Арендт в труднейшее время бегства из оккупированного нацистами Парижа, а потом в Америке, – в соответствии с основной правдой этой жизни. Друзья, знакомые единодушно отмечали в Генрихе Блюхере благородство, богатство духовного мира, исключительно сильную, глубокую любовь к жене, постоянную поддержку её мыслей и дел, такт и понимание. Генрих был хорошо образованным, начитанным человеком, в том числе в философии. (Кстати, даже Хайдеггер после личной встречи с Г. Блюхером отмечал, в письме к Ханне, что его приятно поразила глубина суждений мужа Ханны о философии, например, о философии Ницше.)

Итак, благородство этих отношений, уважение, которое этот прекрасный человек испытывал к своей прославленной жене (в фильме он обращается к ней шутливо: “Мадам профессор”), – всё это представляется подлинным. Однако оправданно усомниться в тонах благодушия, безоблачности, в какие окрашены все посвящённые отношениям супругов сцены фильма. Трудно представить, чтобы Г. Блюхеру доставляло радость каждый день лицезреть в своём доме стоящие рядом портреты его и Хайдеггера, тем более, что он хорошо знал: хайдеггеровский портрет стоит там не только как память об учителе...

Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер

Теперь, в заключение разговора о фильме, затрону отложенный вопрос о том, как и почему случилось, что линии отношений Арендт и Хайдеггера уделено в фильме минимальное внимание и что в серьёзной в целом киноленте образ великого философа, без которого всё же невозможно было вести повествование о жизни и творчестве Х. Арендт, получился – это моё мнение – не только неполным, но недостоверным и бледным. Многие объясняет упомянутая книга-сопровождение.

В одном из интервью М. Вибель (продюсер и телевизионный консультант) спросил М. фон Тротта: “Почему личность Хайдеггера, любовь Ханны к Хайдеггеру, новые встречи с ним – это единственный ретроспективный элемент (Rückblickelement), который выпал из фильма?” Ответ [Ханна Арендт 2013, 58–59] поразил меня. Осведомленность

М. фон Тротта о важных деталях взаимоотношений Арендт и Хайдеггера свидетельствовала, что значимость этой темы вполне ею осознается. Она рассказала и о трёх фотографиях, стоявших на рабочем столе Ханны – мужа, матери и Хайдеггера, – и о том, что последний научил Ханну мыслить, решающим образом повлияв на неё как теоретика, философа. Добавила, что Хайдеггер стал для своей ученицы “первой глубокой любовью, и она была привержена этой любви до конца жизни” [Там же]. М. фон Тротта поведала даже об одном красноречивом эпизоде, имевшем место в послевоенные годы: Ханна со своей племянницей Э. Брок ожидает поезд во Фрайбург, куда она едет к Хайдеггеру; племянница спрашивает, непременно ли нужно ехать к нему? “*Есть вещи, которые сильнее человека*”, – отвечает Ханна. Здесь всё верно и ясно, и этот рассказ хорошо дополнит для моих читателей то, о чём подробно говорится в моей книге.

Итак, М. фон Тротта прекрасно понимает, что многогранные отношения Арендт и Хайдеггера – поистине судьбоносны, причём до самого конца их достаточно продолжительного жизненного пути. Но это – одна сторона дела. Другая требует прояснения. Суть не столько в том, что обращение к теме “Хайдеггер – Арендт” занимает в фильме не просто скромное, а скромнейшее место (не более 5 минут из двухчасовой ленты). В конце концов, выбор стержневых линий фильма надо было сделать. (Что и почему выбрала фон Тротта, нам уже известно.)

Главное, образ Хайдеггера, человека сложного и противоречивого, оказался целенаправленно сведённым к упрощённой маске. Статья актера Клауса Пола, исполнителя роли Хайдеггера, имеет красноречивый заголовок: “*Der Hosenmatzdeutsche (немец в коротких штанишках⁶): маска–Мартин–Хайдеггер*”. К. Пол рассказывает, как, получив приглашение сыграть роль Хайдеггера в фильме М. фон Тротта, естественным образом обратился к материалам, и прежде всего к тому, что сама Ханна говорила и писала о своём бывшем учителе и возлюбленном. А говорила и писала она очень многое, и в разное время – разное, и осмыслить это наследие – дело непростое. Разумеется, в задачу актера не входит дотошное научное исследование, тем более, что над загадкой противоречий жизни, характера и деяний Мартина Хайдеггера бьются признанные знатоки его творчества. Вместе с тем не оправдано поддаваться соблазну повествовательной и исследовательской одномерности в изображении жизненной судьбы, драмы и творчества Хайдеггера.

Однако ровно это и сделал К. Пол – причём, несомненно, с ведома и одобрения режиссёра. Образ М. Хайдеггера несправедливо свёлся к одномерной, заведомо несимпатичной (даже во внешнем выражении) маске: например, в беглых кадрах о знаменитой первой встрече Ханны и Мартина в бюро или о свиданиях в мансарде Хайдеггер – на самом деле в те годы тридцатипятилетний, достаточно привлекательный и подтянутый мужчина – предстает неловким толстяком, изрекающим банальности. Словом, Хайдеггера в фильме почти нет, а когда он есть, его все равно, что нет. Догадки насчёт того, почему так случилось, у меня имеются, но разговор-спор об этом занял бы много места. Впрочем, моя книга, где глубинные профессиональные и личные отношения Хайдеггера и Арендт проанализированы подробно, в распоряжении читателей.

Разговор о Ханне Арендт, о её мыслях, идеях, произведениях, об их перекличке с философией Хайдеггера продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

Мотрошилова 2013 – *Мотрошилова Н.В.* Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер: бытие – время – любовь. М.: Академический проект, 2013.

Соловьев 2013 – *Соловьев С.* Глобальная диарея // Аргументы и факты. 2013. № 43.

Ханна Арендт 1979 – *Hannah Arendt.* The Recovery of the Public World. N.Y.: Martin Press, 1979.

Ханна Арендт 2005 – *Hannah Arendt:* Penser le monde d'aujourd'hui // Le Magazine Littéraire. Septembre 2005. № 445.

Ханна Арендт 2013 – *Hannah Arendt, ihr Denken veränderte die Welt.* Das Buch zum Film von Margarethe von Trotta. Herausgegeben von Martin Wiebel. München – Zürich, 2013.

Примечания

¹ Здесь и далее используются электронные материалы. См.: <http://goldendaysfestival.dk> , <http://howthelightgetsin.org/>, <http://www.philcologne.de>, <http://philosophynow.org/festival>, <http://www.festivalfilosofia.it> , <http://atlantathinkfestival.org/>, <http://www.festivaldellamente.it/>, <http://www.ted.com/>, <http://www.ciudadelasideas.com/>, <http://www.puertodeideas.cl/> Я благодарю О.Б. Алексева, обратившего мое внимание на эти события и материалы.

² Заявленное название философского фестиваля, запланированного на весну 2014 г. в Ванкувере и осень в Рио-де-Жанейро.

³ См.: <http://piatigorskyf.com/philosophyfestival>

⁴ Рецензии опубликовали М. Швыдкой, Л. Аннинский, П. Гуревич.

⁵ Впоследствии была опубликована книга: Hannah Arendt. *The Recovery of the Public World*. N.Y.: Martin Press, 1979 [Ханна Арндт 1979].

⁶ Так Хайдеггера назвал Генрих Блюхер, муж Ханны Арндт.